

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Пираты Млечного Пути

Никто ничего не видел, но все слышали. Сначала застонали-загудели все переборки, негромко, но так неприятно вибрируя, что проснулись даже самые засони. Потом резко и громко хлопнуло, как будто 130 метровая космояхта класса «Меркурий» была бутылкой шампанского, из которой вылетела огромная пробка. Уши заложило от перепада давлений, так что начавшаяся стрельба слышалась слабо, как стук дождя по железной крыше. Сами электромагнитные пушки стреляют негромко, в путанице летниц, этажей и переходов их и вовсе бы не услышать в жилой секции, но попадания в стены передавались далеко.

Весь экипаж по тревоге выскочил в коридоры и погиб почти сразу. Машинное отделение продержалось минут пять, пока фугасом не вышибли дверь. С рубкой провозились подольше, боялись повредить навигационное оборудование, яхту ведь еще продавать. Последним, как и полагается, погиб капитан. Не потому, что как-то особенно храбро защищался, просто зорги уважают флотские традиции, пусть даже не свои, так что пристрелили последним.

Наконец, стало тихо. Потом везде включился яркий свет, и с тихим шорохом открылись сразу все двери. Пошла зачистка, все ценное и пассажиров стаскивали в кают-компанию. Маса Дрю любил потрошить гражданские суда. Враги в совете за его спиной даже распускали слухи о его слабости и трусости, но в лицо бросить обвинение боялись. А Мия Лока не за что его не тронет, пока он притаскивает больше всех добычи. Вот и сейчас он с удовольствием смотрел, как зал заполняется добычей. Это как есть мякоть моллюсков, нежное, сочное, беззащитное, оно доставляло изысканное удовольствие, не то что вгрызание в сухие костлявые внутренности военных транспортов. Доблестно, но можно и без зубов остаться.

Правда, пассажиров почти не было. Яхта шла почти пустой, нашли человек тридцать человеческих самочек, да и те какие-то уродливые, маленькие, все одинаково одетые в бесформенные черные балахоны и белые шапки. Надо посмотреть получше, прежде чем решать. Он дал знак, и Зам Писа гортанно скомандовал на интер-руссо:

— Раздеваться!

Поездка на Старую Землю была призом ежегодного конкурса женских гимназий планеты Сицили. В этом году выиграла гимназия святого Игнатия, восьмой Б уже возвращался домой, и на яхту-то попал случайно. Регулярный рейс отложили, а Яхта Меркурий была зафрахтована в один конец, и была рада получить хоть кого-то в обратный путь. Все не впустую. Если бы и не поймали зорги.

Девочки зашущукались. Зоргов они видели впервые, кто их видел, обычно не мог об этом никому рассказать. В общем-то, они даже были похожи на их изображения в кино и книжках. Почти как люди, только светло-зеленые, двухметровые и кубические от мускулов и подкожных хитиновых щитков. Они даже защитное снаряжение не носили, у них это было страшным позором. Да и зачем, если щитки и так держат пулеметную очередь. Вся амуниция висела на ремне через плечо, да в руках были пушки.

Единственное, отличались члены. В кино у персонажей они были как огромные баллоны, чуть не до лба, а в жизни казались даже маленькими, по сравнению с габаритами тела. Ну, может, как человеческая рука до локтя, или немного толще. По крайней мере, с острого конца, потом-то они утолщались, заканчиваясь огромными болтающимися яйцами, в мешке размером с футбольный мяч. Как и в кино, члены действительно все время стояли, только

скрывались в промежутке между щитками пресса. Девочки пялились на них, как загипнотизированные.

— Раздеваться!, — повторил Зам Писа.

Девочки заволновались, теребя одежду, и поглядывая на своих фра. Те кивнули друг другу и начали раздеваться, подавая пример. Фра Модеста была старшей фра, и привыкла тщательно взвешивать все за и против, зато потом действовать быстро и жестко. Она сразу заметила, что только один из зоргов не болтает, не ходит, не отдает приказов, а только молча и равнодушно смотрит вокруг. Правда, от его взглядов все начинают бегать и суетиться. Значит, он и есть их Маста. Она держала форму, и на конкурсе даже принесла своей гимназии баллы, став первой на стометровке среди преподавателей. Так что снимая трусы она наклонилась, освобождая ноги, и с низкого старта бросилась вперед. Свою острую спицу, которую так боялись все девчонки в гимназии, она вытащила из волос уже в полете. И сходу вогнула ее между грудных щитков, целясь в сердце. Зорг только и успел, что перехватить ее тело за горло одной рукой. Так она и висела, болтая ногами и тщетно пытаясь освободиться, пока все приходили в себя. Потом раздался кашляющий смех.

Смеялись зорги, даже их капитан смеялся, колыхая Фра Модесту на весу. Спица между щитков тоже тряслась от этого смеха. Потом капитан перестал смеяться, и девочки в первый раз увидели, как это происходит у зоргов. Член мгновенно напрягся, став еще больше и выпрыгнув между щитков, и подняв Фра Модесту, зорг одним махом насадил ее задницей на всю длину своего члена. Она вытянулась, как будто стараясь слезть с огромного кола, и царапая руками его пальцы на горле. Зорг сделал еще пару движений, и по члену волнами пошла сперма. Она брызнула из задницы и стала толчками наполнять ее живот изнутри, делая ее почти беременной. Яйца зорга последний раз сжались, и расслабились, повиснув пустыми мешочками. Жертва закатила глаза и обмякла, потеряв сознание.

Маста Дрю снял ее с члена, взял за волосы и несколько раз вогнул член ей в рот, как бы очищая от выделений. И снова став бесстрастным, равнодушно бросил тело Фра Модесты на пол. Бесстыдно откляченная задница, ставшая как будто больше прежней, зияла огромной черной дырой, из которой сочились сперма и кровь, струйкой стекая между половых губ. Дырка слегка сжималась и разжималась, показывая, что Фра Модеста еще жива.

И только когда по знаку Масты Дрю один из членов команды потащил ее за волосы куда-то прочь, класс впервые выдохнул и зашевелился. Все произошло так быстро, что все будто застыли, не в силах ничего сделать, кроме как смотреть.

— Кто-то еще сопротивляться?, — сказал с усмешкой Зам. Никто не выказал намерения. Девочки искоса поглядывали на Фра Батисту, но та была невозмутима, разве что на висках была заметна синяя венка. А это был еще один нехороший знак, которого боялись девочки.

После приказа встать на колени, ряд голых девушек растянулся почти от стены до стены. Маста пошел вдоль ряда. Член, слегка ослабший, все еще торчал вперед. Еще лоснящийся от слюны, крови и спермы, он шлепался и терся о волосы, щеки или губы девушек, которые непроизвольно отстранялись. Пожалуй, она зря переживал, добыча пусть не так многочисленна, зато качество хорошее, так что возьмут еще больше, чем обычно. Команде принадлежит право на пользование, надо только не повредить товар. Впрочем, все знают правила, нарушители полетят в космос вверх тормашками и без дыхательной трубки.

Очередная девушка вдруг не отстранилась, а как будто даже сделала движение губами навстречу члену. Маста остановился, и приподнял ее голову за подбородок.

— Ты есть кто?

— Маша Йохансонн, — тихо сказал она, потом повторила громче, глядя прямо в глаза, — Я есть Маша.

— Маша, ты есть смелый девочка, ты быть моей.

Маша была отличницей и заводилой, что редко бывает одновременно. Конечно, популярность дело чреватое, завистниц много, и стоит отступиться, от тебя отвернутся даже лучшие подруги. Но Маше нравилось купаться во внимании, нравилось рисковать, и она никогда не стояла за ценой. Впрочем, член был не так уж плох, чтобы сильно переживать. Вблизи кожа зорга оказалась навроде крокодилей, с рисунком в ромбик и пупырышках, но при этом гладкой, шелковистой и теплой, очень приятной, когда она прошла по ее губам. Она пошла за зоргом и встала сбоку. Ну что ж, теперь она капитанская дочка.

После капитана стали разбирать девочек и другие члены команды, видимо, согласно какой-то своей важности. Последним шел Юнга Дрон, и в ряду оставались еще пятеро девушек. Ему нравилась Фра Батиста, такая пухленькая, мягонькая, как его плюшевая Мия, с которой он спал до трех лет. Но поэтому ее нельзя было брать, а то засмеют неженкой, может, поэтому ее все оставляли. Две были рыжие, а у зоргов красный — цвет несчастья, поэтому их не выбрал никто. Оставались две, Белая с веснушками и Кудрявая с такими стеклянными штуками на носу. Веснушки тоже не очень хорошо, потому что они немного красные, хоть и маленькие, зато у нее была большая грудь, которую так и хотелось откусить. Сиськи у кудрявой были маленькие и почему-то торчали, потом еще эти стекла на носу, может, она больная какая. Юнга Дрон был в первый раз в походе, и человеческих женщин видел только в учебниках анатомии. В общем-то, у них все должно быть как у зорговских женщин. Дрон двумя руками пощупал у обеих девочек снизу. Там было почему-то влажно и горячо. И тут сквозь стекла очков он увидел глаза кудрявой, они были такие робкие, зовущие, беззащитные, что его член сразу выпрыгнул и выплеснул немного спермы ей на лицо. Кудрявая облизала губы и поплотнее насадилась на его пальцы. Все, решено, Дрон нежно схватил ее за волосы, и потянул к себе. А титьки у второй все равно нельзя съесть, за порчу товара полетишь в космос без дыхательной трубки. «Ну всё, пиздец котенку», — подумала Маша, — «выбрал Алишу Ифаноф». Алишу боялась трогать даже Фра Модеста, потому что никогда нельзя было просчитать, что она сделает. А нельзя просчитать — нельзя защититься. Одну ее бывшую подругу нашли в туалете задохнувшейся от огромного черного дилдо, заглохшего во всю длину, голой, с руками в пизде, при этом туалет был закрыт изнутри, ее одежду так и не нашли, и Алиша весь день была на людях, стояла у знамени в холле на посту дежурной весталки. Этого никто не любит, там на секунду запрещено отходить, даже писать надо в памперс. А Алиша вызвалась сама, без очереди. И, главное, это была лучшая подруга, и всего-то пошутила, что Алиша расистка. Фра Маза, которая была до Фра Батиста, как-то шлепнула Алишу по губам, за то что она сказала «хуй» в столовой. Так ее через месяц уволили с волчьим билетом за беременность, хотя она клялась и плакала, что ни в рот ногой, как это могло получиться, а через полгода девчонки нашли ее на сайте проституток-ампутанток, она на фото была без рук и ног. И стоила дешевле всех, отдавалась за еду. Да таких историй про Алишу много ходило. Может, и выдумывают все, конечно, просто совпадения, но Маша не стала бы проверять на себе.

С шумом и гомоном зорги стали разбредаться по каютам, таща девушек за собой. Никто не хотел дежурить, и на капер послали Юнгу Дрона, как самого младшего. Капер был втрое

меньше Меркурия, и казался шлюпкой, прилипшей к белоснежному борту красавицы-яхты, но силы в нем было немерянно, так что он легко стал разворачиваться и разгоняться вместе с добычей.

Алиша лежала грудью на холодном стекле главного пульта, и внимательно наблюдала, какие кнопки и в какой последовательности нажимает Юнга. Прямо перед ее носом на экране загорелся и побежал отсчет времени до прыжка. Восемь часов. Успеем, подумала Алиша, и застонала. Сзади в нее входил огромный член, заставляя титьки елозить по экрану. Странно, она чувствовала, как раздвигаются кости ее таза и скрипят связки, но больно ей не было.

— О, он у тебя такой большой, — выдохнула она.

Юнга смущенно пожелтел, и на секунду перестал двигаться, — Нет, не есть самый большой... где-то средний.

Да ты у нас стесняшка. Алиша видела его отражение в стекле, и продолжила стонать:

— О нет, ты большой, ох, какой ты большой... Больше не надо, это самое хороший размер...

Как ты хорошо умеешь...

Юнга кряхтя продолжал движения, пока больше половины не входило, надо еще разработать дырочку.

— Правда? Я хорошо уметь?

— О да, да, продолжай... Входи в меня глубже...

От такой моральной поддержки его член еще распух, и дальше никак не шел. Может, так и надо, Юнга не очень в этом разбирался. Раз говорят, что хорошо, значит хорошо.

— Ты хочешь меня, хочешь?

— Да, да, — захрипел Юнга.

На запястье Алиши пискнул коммуникатор, пришло сообщение от кого-то из девчонок:

«СМзКа ЧлеаН УЛЕТ ОбезБоооо », то есть смазка членов расслабляет и обезболивает, только ей, видимо, было не очень удобно писать. Понятно.

— Наверное, у тебя было много женщин... ты большой, сильный... , — Алише даже стало нравиться, смазки было уже так много, что больно не было совсем, а было приятное чувство, будто член скользит всегда только внутри нее, даже когда он идет назад.

— Нет, — засмутился честный Юнга, — ты первый...

От стресса или неумения, он не кончал уже целую минуту, и вот наконец оно пошло, и в Алишу ударила тугая толстая струя спермы, бросив ее вперед, на рычаги, так что очки почти слетели с ее носа. Все вокруг забрызгало белыми тягучими каплями, полилось на пол, и Юнга, дернувшись последний раз, подскользнулся и почти упал назад в кресло.

Выскочивший член звонко шлепнулся о щитки живота. Немало накопил.

— О... , — сказал он, переводя дыхание, — я слышать, что это хорошо... но не думать, что так хорошо...

Алиша тоже перевела дух и поправила очки, но коня надо ковать горячим, и она снова полезла ему на колени, пытаясь надеться на головку. Она сначала скользила, никак не желая влазить, но потом вдруг попала, а Алиша осела сразу до половины.

— Ух, ёб... аа, как хорошо... снова застонала она, глядя, как выпучивается ее живот, и попыталась поцеловать Юнгу. Тот испуганно дернулся.

— Нельзя, так запрет!..

Алиша не стала настаивать, и начала медленно двигаться.

— Так ты у нас есть девственник, — ласково сказала она, почему-то тоже на ломаном руссо, и

погладила его по лысой голове. — Ты не иметь женщин до меня?

Юнга пожелтел еще больше. — Нет, других женщин не иметь.

— Ты будешь иметь много-много, ты у нас такой большой, красивый, сильный малыш... , — бормотала Алиша, скользя вставшими сосками по его груди. Ее кудри щекотали ему нос, и так вошлебно пахли, что Юнга замер, не желая ничего менять. В яички еще не могло почти ничего попасть, но он чувствовал, что уже снова подходит. Ах, молодость. Он схватил Алишу за бедра, оставив глубокие следы когтей, и снова кончил, обливаясь спермой. В этот момент кончила и Алиша, она упала на Юнгу в судорогах, но даже дергаясь в оргазме, закинутыми за голову зорга руками набирала на коммуникаторе: «8 часв ДО ПРЖК»...

Фра Батиста прочитала новое сообщение. Девочки молодцы, работают. В карцере было тепло и чисто. Идиоты бросили их в медотсек, наверное потому, что он единственный запирался снаружи ее бронестеклянной перегородки. Девочки уже помыли и смазали раны Фра Модесты, и кажется, она уже пришла в себя. Хитрюга притворялась без сознания, чтобы девочки и дальше шуровали мазью у ней в анале. Хорошо притворяется, только соски выдают, вон как встали. Батиста покрутила один сосок и смачно поцеловала Модесту.

— Вставай, засоня, нечего притворяться.

Модеста вздохнула, открыла глаза и сладко потянулась.

— Вот ты вечно весь кайф ломаешь... , — лобок Батисты был прямо возле ее лица, так что она запустила ей в пизду сразу пару пальцев, — а вот если я с тобой так?

Батиста кокетливо завращала бедрами, — О да, о да, это так мучительно...

Девочки захихикали.

— А вы там не прекращайте, — притворно строго сказала Модеста, раздвигая ноги пошире, — приказа прекращать не было.

— Да мы уже всю мазь извели, — пожаловались сестренки, разводя одна правой, другая левой рукой, потом что другие руки были в анусе Модесты. — Весь лак с ногтей слез.

— Ох уже эти рыжие, — вздохнула Модеста, прямо не знаю, за что я вас люблю, прямо слабость у меня какая-то к рыжим.

Уже вся ее рука была у Батисты в пизде, та вдруг ойкнула и сжала ее руку ногами, собираясь кончать.

— Соскучилась, подруга?, — улыбнулась Модеста, и с усилием вытащила руку, облитую соками, — это тебе за то, что мне помешала кончить.

Она сделала знак сестрам заканчивать, и легко спрыгнула на пол. Правда, пошатнувшись.

— Ну что тут у нас? — Медотсек, выйти можем, когда захотим, ключ у тебя, или у тебя? — спросила Батиста у сестренки.

— У меня, — сказала та, что справа, и стала копошиться в рыжих волосах между ног, вытаскивая чип, — черт, маленький, щас цепочку зацеплю...

Она вытащила круглый медальончик на цепочке.

— Это я его с трупа капитана сняла, — похвасталась ее сестра.

— Молодец, — одобрила Модеста. — Спрячьте пока.

Девчонки стали препираться, кому его прятать в себя. Послышался скрежет саблю, — Кому он это сказать?.. — Не знаю. Это было в каюте, когда нас еще не разобрали. Он позвал двоих, один такой большой, а другой поменьше, и сказал им — «Салибой наждак, салибой должен не быть». Я не знаю, что такое салибой, — тараторила Миранда, испуганно тараща глаза, но не

пытаясь закрываться.

Салли Бой промолчал и тяжело сел на стул. Были у него такие мысли, были, да все откладывал. Знал, что капитан считает его сильным, при всей команде называл Салли Бой лучшим бойцом. Мог посчитать угрозой для себя, решить что Салли может его свергнуть и сам стать капитаном. Конечно, Салли и правда хотел, но откуда он узнал? Зиги Джонс проговорился? Надо было кончить предателя. Его мысли метались. А кого капитан послал за ним? Большой скорее всего Конча, давно зуб точит, сам хочет быть лучшим. Или Лук Окра, тот любого товарища пришьет за спасибо, не моргнув. А маленький? Кто же?

Миранда робко взяла в ладошку одно из яиц. Ладно, разберемся, подумал Салли, легко, как пушинку, перевернув девчонку вниз головой, и насаживая ртом на член.

— Показать мне, если узнать большой и маленький, — сказал он Миранде.

Та согласно забулькала...

Зам Писа любил шик и роскошь. Благо, капитан был к ним равнодушен, и выбирал всегда каюты капитанов, да и то потому, что они были ближе к рубке. Зато Зам Писа выбирал самое лучшее, что-нибудь вроде люксов новобрачных, с позолотой, портьерами и кроватью в полкомнаты.

Зато девчонка была маленькая, он всегда почему-то выбирал поменьше. Налазили они едва на кончик, но ему именно так и было надо.

Но теперь его конец не пустовал ни секунды. Рада Питкович была маленькой, но неутомимой, как ядерная батарейка фирмы Джонс. А он еще хотел быстро кончить и заняться делами, добычу надо было подсчитать и занести в ведомость. В этой роли он и был лучшим, иначе не видать бы ему место Зама. Но эта проказница не слезила с него даже в ванной. И хотя сначала он раздражался, но потом ему понравилось, и он выкинул из головы все мысли. Он как будто вернулся домой, в детский дом, в свою комнату и к своей маленькой нежной плюшевой Мие.

— Ах, — болтала Рада, лежа на нем и смачно впуская и выпуская из влагилица головку его члена, — ты такой сладкий... ты такой нежный...

Вообще-то, у зоргов это были страшные ругательства, но Зам почему-то не сердился, а глупо улыбался. Даже еще хуже, впервые в жизни ему хотелось даже сделать что-то хорошее для другого, а не для себя.

— Я твоя игрушка... я твоя плюшевая медведица, — продолжала подбирать слова Рада, по пульсации члена научившись определять реакцию. Слова из этой области ему явно нравились, она сношает его чуть ли не час, в яйцах пусто как в Сахаре, но пока удается его держать. Еще лучше помогает палец в анус, она сразу это предположила, увидев обстановку. Но он стесняется, только раз удалось засунуть, зато сразу всю руку, дырка у него была разработана на славу. С кем это он, не с капитаном ли?

— Ох, он так мягко входит в меня... Ты такой любовник, наверное, на своей родине ты имел тысячи женщин...

Зам Писа млел от удовольствия, но от ее наивности даже закашлялся: — Ты не видел наши женщин.

— Они красивые, красивее нас?, — настаивала Рада, на последнем слове насаживаясь поглубже.

— Нет, не красивый... Сильный, большой... Они могут разорвать нас одной рукой, вот так, —

Зам махнул рукой, как бы отрывая голову, отчего его член дернулся и вошел в Раду сантиметров на двадцать сразу.

— Почему не бывает, что у тебя быть много женщин? — удивилась Рада, замерев на члене и все сильнее прижимаясь клитором к шершавой коже зорга, чувствуя приближение нового оргазма. Зам вздохнул и стал объяснять, среди зоргов он был самый ученый.

— Женщин мало, мужчин много, один женщин — много мужчин. Кто имеет женщин, тот умирать, она его убивать... Агхх... Если какой-то женщин вдруг можно, у мужчин есть только десять секунд, — он показал на пальцах, сколько это секунд, — чтобы сделать это. Поэтому, наши члены всегда стоят, всегда готов... И если рядом есть другой мужчин, то его надо подрать, или он сделает это вместо тебя... Потом женщина убивать победитель. Это почетный смерть, твой дети будет родить... Женщин всегда начальник, самый главный командир...

Видимо, от мыслей о зоргских женщинах его член еще больше напрягся и выплеснул едва ли каплю спермы. Но тут Рада не смогла сдержаться и со стоном стала кончать. Картина убийства мужика прямо под собой во время секса заставила бы ее кончить даже без члена. Она была природной феминисткой.

Когда Маша Йоханссон прочитала в рассылке «лаТЕННТные ПидРы, правят ББабы», она как раз застегивала ошейник на затылке капитана. Пришлось смастерить из подручных материалов, но работает хорошо. Голый Маста, упершись лицом в кровать и отключив задницу, пытался поймать анусом ее руку, а она поигрывала ею вокруг да около, поглаживая и маня. Нечего его баловать.

Поначалу, конечно, пришлось тяжеловато. Обе дырки до сих пор не закрыты, уж сильно кости таза раздвинул, враскоряку приходится ходить. Не зря он капитан, долбил как бешеный. Но в один момент, когда уж очень сильно придавил, Маша чуть не задохнулась, толкнула его в грудь и выкрикнула «отвали». Сама не знает, почему — толкать зорга, все равно что толкать стенку. Но произошло неожиданное. Маста отпрянул как будто в ужасе. Сам для себя он объяснял это поначалу тем, что не хотел повредить товар. Но Маша недолго дала ему тешиться объяснениями, да он их потом уже и не искал.

Без тени сомнений она приказала ему сесть, встать, повернуться. Он все исполнил. Она попала в командирский тон зоргских женщин. Подчинение им было впитано с молоком матери, если бы у зоргов кто-то удосуживался кормить их молоком. Маша этого не знала, но она была практичной девушкой, объяснения пусть ищут ботанички, а ее дело пользоваться. Она была заведена, и еще ни разу не кончила, так что первым делом приказала ему отлизать себе. Ох, какое волшебство это было. Язык у зоргов был длинный, толстенький, заостренный, шершавенький в самую меру и двигался во всех направлениях. Маша кончила через полминуты, как язык вошел ей в пизду. Так не отлизывала даже Фра Батиста.

Маста захныкал, не получая желаемого.

— Хочешь в жопу? — грубо спросила Маша, покручивая пальцами в его дырке. — Хочешь? Проси хорошо!

— Я хотеть, — снова захныкал Маста, — я просить хорошо.

— Вот тебе... вот тебе... вот тебе... непослушный мальчишка, — Маша со всей мочи стала бить его по жопе его же командирской портупеей. Ножи и пистолет она еще в самом начале приказала бросить на пол. Маста еще больше закрутил задницей от удовольствия и захрипел, кусая простыню. На кровать полилась сперма. Маша прекратила бить, жопа и так уже была

коричневой, зачерпнула ладошкой сперму и стала размазывать себе по животу и между ног.

— Руки за спину!

В капитанском шкафчике было и оружие, и наручники, но пистолет для зорга был слабоват, а вот наручникигодились. Хотя пришлось использовать все три пары, только чтобы руки сковать.

— Сесть!

Так было удобнее всего, когда зорг сидел на полу, спиной к кровати. Его член торчал как раз удобно, чтобы садиться на него. Маша села, закатив глаза выбирая глубину проникновения, и приказала лизать сиськи.

— Ох, как хорошо, — Маша уплывала в облака, и опускалась на землю, обнимая лысую голову зорга, — достает до сердца... ах, какой он крепкий... какой твердый... Она ударила масту по щеке, — А ну лизать, не прекращать...

Дождавшись первых волн тепла в животе, она скомандовала, — Теперь кончай!

Внутри ударила тугая теплая струя, наполняя ее блаженством и негой. Маша еще полминуты подергалась, пока не угасли последние конвульсии члена, и с сожалением слезла. Это было прощание, напоследок. Скоро час игрек, и у нее была идея.

— Лечь на ковер! Поднять зад!

Пока капитан, квохча по зоргски что-то радостное, устраивался поудобнее и отклячивал зад как можно выше, Маша достала из шкафа рулон ремонтного скотча, и с треском отодрала первый метр. Немало понадобится...

Алиша лежала головой на груди Юнга, и гладила его бицепс. Юнга когтями нежно перебирал ее кудри, и тайком, думая, что она не видит, нюхал их.

— Тебе было со мной хорошо?, — робко спросила Алиша.

— О да, очень, очень хорошо, — горячо подтвердил тот.

— Правда, правда?, — все еще со сомнением продолжала она вымогать у него признания.

— Очень правда, самый правда.

— Я никогда еще не была с мужчиной, и не умею это делать. И думала, вдруг тебе не понравится, а я хочу, чтобы тебе нравилось...

Под своей ногой она чувствовала, как наполняются его яички.

— У тебя никого не было?, — удивился зорг.

— Ты мой самый первый, очень первый, — искренне сказала Алиша, и посмотрела ему в глаза. — Я хотеть всегда быть с тобой.

— Я тоже хотеть быть с тобой всегда, — сказал юнга. — Только тебя будут продавать.

— И никак нельзя оставить?

— Нельзя, правила, меня могут выбросить в космос без дыхательной трубка. Тогда каюк, два часа и ты не жить.

— И ты не сможешь защитит нас?

Юнга задумался и с сожалением сказал, — Сначала могу, но потом меня выбросить в космос без дыхательной трубка, и я каюк.

— Ах, как больно, — сказала Алиша, подумав «слабак», — у меня разрывается сердце. Я так тебя люблю. Слышишь, как оно бьется?

Алиша приложила его руку к своей груди. Вернее, скорее сама приложилась грудью к его руке.

— Слышу, — с удивлением сказал юнга. — Я читал, что у вас одно сердце, очень слабый, но оно такой громкий.

— Одно?, — сказала Алиша, — а сколько у вас?

— Два, как обычно. Если в драка повредить одно сердце, то есть еще другой, и их нельзя попасть снаружи, где не защищено.

— А можно послушать, как они бьются?, — влюбленно проворковала Алиша

— Они здесь и здесь,. — Юнга показал куда-то в подмышки, — ты можешь потрогать, как я тебя люблю.

В медотсеке было жарко. Лю шуровала языком в пизде у Фра Батисты, пока сестренки, пыхтя, засовывали ей во влагалище баллон. Больше чем до половины он не входил, так что приходилось его постоянно вытаскивать, смазывать и пытаться снова. Фра Модеста сидела пиздой на лице Батисты, чувствуя, что вот-вот кончит от ее языка. Она чуть-чуть не успела, когда коммуникатор пискнул дважды. Почти одновременно пришли два сообщения. «Подчиняются жестким приказам» и «Два сердца под мышками». Модеста с сожалением поднялась.

— Ну что ж, время пришло, девочки, час игрек. Работаем без шума...

— Они такие громкие, — с удивлением сказала Алиша. — Я слышу оба...

Юнга, закинув руки за голову, блаженно улыбался с закрытыми глазами, не обратив внимание на какой-то писк. Пиццало частенько, но этот раз был последний. В сообщении была только буква «У».

Когда Алиша погрузила оба его виброножа ему под мышки, он успел открыть глаза, но улыбка так и осталась навсегда. Алиша поцеловала его в лоб, и сказала: — Ты хороший. Связался с плохой компанией...

Старый пират был задумчив, совсем как при жизни. С перерезанным горлом он прожил бы еще полчаса и успел бы натворить дел, но первым делом ему выткнули его остававшийся глаз, так что он недолго шарился в потемках, пока ему перерезали все остальное. Теперь он грустно сидел у стены в луже крови, головой почти склонившись к собственному члену...

Маста Дрю не мог похвастать тем же. Его член был отрезан и забит ему же в задницу. Он был еще жив, и возможно, испытывал удовольствие, но без языка не мог никому этого рассказать...

Его Зам Писа и вовсе сильно пострадал. Последний эксперимент, с большим флаконом дезодоранта в анусе, оказался с подвохом. Если напустить внутрь дезодоранта, а потом поджечь, то бахнет не слабо. Пису раскинуло на всю кровать, а кое что попало даже на потолок.

Когда раздался сигнал тревоги и все бросились в кают-компанию, то прибежало туда лишь пятеро. Это были все, что уцелели. Но и им не оставили шанса. Салли Бой еще ворочал головой, пытаясь понять, что происходит и где вообще все, когда Миранда закричала «Вон они, вон они», показывая на других зоргов. Реакция у зоргов была отменная, так что пока Салли медлил нажимать на курок, удивляясь, что это оказался Чарли Бум (а еще другом притворялся), Чарли отреагировал просто на ствол, и выстрелил от бедра. Но и Салли не был бы лучшим, если бы не успел подставить под удар левое плечо, ответным выстрелом разнеся Чарли голову. Прежде чем разнесли голову ему самому, он успел подстрелить двоих. Целым

остался один, корабельный кок Зиги Джонс, бросившись за большой дубовый стол. Это закрывало его от Салли, но не закрывало от Малышки Берримор, которая приставила ему свой маленький палец к затылку и строго сказала «замри». Он так и не шевелился, когда его обезоруживали и связывали...

— Час до прыжка, — сказала Маша. — Прыгать будем?

В кают–компании собрались все, в крови и копоты на голых телах. Все посмотрели на Фра Модесту. Та как раз с кряхтением вытаскивала из себя баллон, который так и не пригодился. Она задумалась, и сказала:

— Будем. Надо посмотреть, откуда они такие. А это что у тебя?, — спросила она Алишу.

Алиша покраснела, чего за ней никогда не замечалось, и попыталась спрятать за спину отрезанный вместе с яйцами член Юнги. Да такую дубину разве спрячешь. Она стала неловко оправдываться:

— Это я так... они же с костью, всегда стоят... как живой... гладкий... на память просто...

Девчонки загомонили. И в самом деле, какой сувенир, имеем законное право, и вообще, где такой еще найдешь. Все бросились по каютам, добывать себе реликвию. Рада Питкович шваброй сшибала с потолка свой экземпляр. Маша потревожила капитана. Не пожалели даже пленного Зиги, ненужный остаток выбросив за борт без дыхательной трубки.

Не хватило обеим Фра, рыжим сестренкам и Лю с веснушками. Но им пообещали добыть нужное после прыжка к родной планете зоргов. Только Фра Модеста задумалась о большем. Нельзя ли добыть их самку, и что у нее можно отрезать на память?..

... А на планете Сицили конкурс женских гимназий проходит до сих пор. Только теперь победивший клсс получает другой приз — оплаченный рейд в охоте на зоргов. Иногда в конкурсе побеждает и гимназия Святого Игнатия Лойолы. В кабинете директора Фра Модесты на полу лежит огромная шкура самки зорга. Она так и не решила, что отрезать, так что сняла шкуру целиком